

УПРАВЛЕНИЕ ПРОТИВ ВЛАСТИ

КАК РЕАЛИЗУЮТСЯ ЗАМЫСЛЫ

**Марк Рац
Сергей Котельников
Борис Слепцов**

УДК 321
ББК 66
Р 27

Рац М. В., Котельников С. И., Слепцов Б. Г.

Р 27 Управление против власти. Как реализуются замыслы. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. — 584 с., ил.

ISBN 978-5-907498-40-2

В книге предлагается новый взгляд на социально-политические преобразования и организацию систем правления в обществе.

Авторы исходят из представления об определяющей роли процессов мышления и деятельности для организации человеческого общежития и становления тех или иных форм правления. Государство, другие общественные и политические институты оказываются тогда продуктами (превращенными формами) деятельностных процессов. При таком подходе намечается путь решения «вечной проблемы»: как свести к минимуму расхождение между философско-методологическими идеями, политическими замыслами и их воплощением в жизнь. Этот путь освещается политическим идеалом — сочетанием коллективного самоуправления, ответственного за развитие, с властью, ограниченной функцией поддержания стабильности жизни общества.

Возможные пути проработки и реализации своих предложений авторы увязывают с уроками становления государственности США и истории левой идеи в Европе. Политическая философия авторов по-своему продолжает идеи Московского методологического кружка, развиваемые с 50-х годов прошлого века. Авторы принадлежат к последнему поколению прямых учеников бесменного руководителя Кружка Г. П. Щедровицкого.

Книга имеет полемический характер и приглашает к дискуссии теоретиков и практиков, занятых проблемами общественно-политического развития и организации человеческого общежития, а также всех интересующимся этим кругом вопросов.

УДК 321
ББК 66

ISBN 978-5-907498-40-2

© М. В. Рац, С. И. Котельников, Б. Г. Слепцов, 2022
© Издательский Дом ЯСК, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Необходимое предисловие	11
Вступление. Кто мы такие, чего хотим и к кому обращаемся	13

Часть I

Наш мир: настоящее и прошлое

Раздел А. Мы и наш мир	29
<i>Введение</i>	29
Глава 1. Патриоты ли мы? О биполярности современного мира	32
Глава 2. Первый взгляд на человеческую деятельность.....	44
Глава 3. Коммуникация — наше оружие.....	70
<i>Выводы</i>	87
<i>Комментарии и примечания</i>	92
Раздел Б. «Из жизни идей»	101
<i>Введение</i>	101
Глава 4. От Юма и Монтескье до Мэдисона и далее	109
4.1. Англичане за границей: путь к независимости	110
4.2. Рождение конституции и политическая система США	128
Глава 5. К истории социализма за последние двести лет	144
5.1. Утописты и философы. Зарождение идеологий.....	145
5.2. Европейские левые в XIX веке	156
5.3. Реализация левой идеи в России.....	170
5.4. Шведский случай	192
<i>Выводы</i>	201
<i>Комментарии и примечания</i>	206

Часть II

Что нам нужно для работы с будущим

Раздел В. Из опыта Московского методологического кружка	233
<i>Введение</i>	233
Глава 6. Два подхода и две картины мира	236
Глава 7. Схема шага развития и введение в деятельностный подход.....	245
7.1. Проблемная ситуация.....	245
7.2. Схема шага и ее приложения	254
7.3. Смена подхода и картины мира.....	262
7.4. Знаниевое обеспечение деятельности	266
7.5. «Карфаген должен быть разрушен!»	274
Глава 8. Наши идеалы: мыследеятельность и развитие. Идеалы и жизнь	280
8.1. Схема мыследеятельности	281
8.2. Особенности становления и осуществления мыследеятельности. Редукции vs развитие.....	291
Глава 9. Наши идеалы. Человек и его мир	305
Глава 10. Идеалы vs проекты. Программирование и проектирование	326
<i>Выводы</i>	349
<i>Комментарии и примечания</i>	353
Раздел Г. Опираясь на исторический опыт: наши предложения.....	369
<i>Введение</i>	369
Глава 11. Общественно-политические перемены: от опыта к методу	373
Глава 12. Правление и его типы. Управление против Власти	381
12.1. Управление и Власть: два способа реализации замыслов	381
12.2. Управление и властвование: сравнительный анализ	390
Глава 13. Четыре типа «деятельности над деятельностью»	404
13.1. Жизненный цикл преобразовательных замыслов. Типы деятельности против сложившихся специальностей.....	404
13.2. Управление и нормоконтроль	416
13.3. Политика	431
13.4. Философско-методологическая мыследеятельность. На стыке философии и политики	439

Глава 14. Схема лестницы	464
14.1. Деятельностный контекст и общая идея схемы	465
14.2. Схема лестницы как схема реализации замыслов	473
14.3. Схема лестницы как идеал системы правления	477
<i>Выводы</i>	487
<i>Комментарии и примечания</i>	491
Заключение. Заметки на полях собственной работы	499
Библиография	515
Предметно-тематический указатель	541
Именной указатель	568
Сведения об авторах / Information about authors	578
Contents	579
Synopsis	582

ГЛАВА 1. ПАТРИОТЫ ЛИ МЫ?

О БИПОЛЯРНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Инакомыслие — это высшая форма патриотизма.
Т. Джефферсон

Свои соображения о состоянии современного мира мы хотим начать с такого неожиданного для нас самих вопроса, потому что тема патриотизма оказывается важнейшей частью этих соображений. В связи с тем, между прочим, что по поводу трактовки патриотизма, желаемого властью имущими, единства не было, нет и — в мирное время, уточним мы — вряд ли его можно добиться. Более того, ответ на вопрос о том, как мы понимаем «патриотизм», может послужить пробным оселком для всей сферы политического. В вопросе о патриотизме сфокусированы основные противоречия нашего мира. То или иное его решение задает направление дальнейшему движению политической мысли.

Но, как говорят в таких случаях журналисты, давайте обо всем по порядку.

В бесконечных спорах по этой теме еще в позапрошлом веке рафинировались две диаметрально противоположные точки зрения (см. [Орешкин 2009]). Первая из них, принадлежащая представителю первого поколения американских военных, выражается формулой: *«Моя страна может ошибаться, но это моя страна!»* Симпатичный вроде бы тезис, законный и почти детский в своей непосредственности, но, если додумать его до логического конца, он может привести к неожиданным для своих сторонников выводам. Особенно теперь, двести лет спустя.

Спрашивается, например: Германия ошиблась, выбрав Гитлера и национал-социализм, но гитлеровские солдаты демонстрировали образец патриотизма и воевали во славу своей родины? Честно выполняли свой патриотический долг и эсэсовцы в Освенциме? Аналогично, ГУЛАГовские палачи тоже были большие патриоты: это Россия ошиблась, отдавшись большевикам? Конечно, Германия и Россия «ошиблись», но нельзя забывать, что за «ошибками народов» стоят человеческие ошибки. И здесь надо особо подчеркнуть: ошибки людей, безусловно считавших себя (и, что не менее важно, считавшихся большинством своих соотечественников) патриотами. Нам, однако, ближе патриоты другого типа, такие как эмигрировавшие Генрих и Томас Манны, Иван Бунин и Георгий Федотов или замученные патриотами из СС и НКВД Януш Корчак, Николай Вавилов, Осип Мандельштам.

Соответственно, мы апеллировали бы к другой формуле (тоже имеющей корни в Америке XIX века): *«Моя страна может ошибаться, и я несу свою долю ответственности за эти ошибки»*. Формула, на наш взгляд, диаметрально противоположна первой, приведенной выше. Мы называем патриотизм в первой версии государственным, или верноподданническим (социологи предпочитают называть его слепым), во второй — гражданским. (Ко второй версии примыкает идея «конституционного патриотизма», резко противопоставленная наиболее распространенной основе патриотизма — этнонациональной (подробнее см. [Барциц 2018]).)

Если государственный, верноподданнический патриотизм говорит, по сути дела, что я при любых обстоятельствах должен поддерживать *правительство* своей страны — право оно или нет, — то гражданский патриотизм предлагает совсем другое отношение. Возможные ошибки правительства на моей совести: это я чего-то недосмотрел, не доделал, не за тех проголосовал. Правительства сменяются, а страна остается. Правительство партийно, а страна беспартийна. Страна нуждается в усилиях своих граждан, и мы бы рискнули сказать, что полезным дополнением к классической родине-матери может послужить метафора родины-дочери. Вот мы и предпринимаем, в т. ч. здесь и теперь, такие максимально возможные для нас усилия, чтобы способствовать благу России, *как мы его понимаем*: иначе было бы нечестно! И если вектор наших усилий, как нам кажется, в чем-то расходится

с вектором усилий Кремля (т. е. госаппарата), в рамках представления о гражданском патриотизме это нормально¹. Более того, с нашей точки зрения, **только разнонаправленность усилий граждан в рамках права обеспечивает условия для развития страны, в то время как единство обеспечивает застой.**

Присущая пониманию патриотизма поляризация далеко не случайна, имеет глубокие корни и отнюдь не одинока в философской и общественно-политической мысли. Обозначим — наряду с патриотизмом — другие полярные конструкции, с нашей точки зрения, фиксирующие как бы разные проекции одной и той же сущности. Как мы увидим, речь идет не совсем о той биполярности мира, которая памятна старшему поколению с советских времен, а может быть, и совсем не о той.

Используем здесь цитирование как прием, демонстрирующий, что мы в этом пункте воспроизводим хорошо известные и без нас представления. Мы только «сервируем» их по-новому и тем самым, как говорил В. Шкловский, остраеяем.

Первое, что здесь приходит в голову и имеет фундаментальное значение для нашей работы, это кантовское противопоставление автономии и гетерономии [Кант 1997а; 1997б]. Вот как пишет об этом наш крупнейший кантовед Э. Соловьев: «“Радикальное зло” в области политики — это не жестокосердие властителя, а сама его неограниченная авторитарность. Все социальные блага сомнительны, если они достаются народу в порядке господского осчастливливания. <...> Понятие “гетерономия” предполагает, что человек как член общества может жить лишь по чужим, извне заданным ему правилами и инструкциям, подкрепляемым чувствительными наказаниями или наградами. <...> Вот эту-то унижительную для человека меру... и должно, согласно Канту, оспорить право. На место гетерономии следует поставить признанную автономию, т. е. самозаконность человеческого поведения. О наличии в обществе права можно говорить лишь в том случае, если каждый его член признан государством в качестве разумного существа, способного самостоятельно решать, что для него хорошо. Нравственные убеждения, а также идеалы и цели

людей не подлежат властно-законодательному определению» [Соловьев Э. 1992: 6–8].

Однако, как сказал поэт, «слаб человек; покорствуя уделу, он рад искать покоя...»; и здесь нужно было бы специально говорить о таких явлениях, как «бегство от свободы» (Э. Фромм), конформизм и его брат нонконформизм, о таком историческом феномене, как восстание масс и массовый человек ([Ортега-и-Гассет 1997] и др.). При всей сложности и, если так можно выразиться, дискурсивной самодостаточности этих феноменов в их основе просвечивает все та же гетерономия. Другое дело, что автономный субъект и гетерономный индивид — не более чем веберовские идеальные типы: «в пределе» субъект всегда автономен, а гетерономия превращает субъекта в объект манипуляции другими. Реальный же человек может становиться, самореализовываться и быть человеком только в обществе, где внешние ограничения неизбежны. Но эту тему мы вынуждены отложить до раздела **В**, а пока что обратимся к тесно связанной со сказанным поляризации в общественно-политической сфере.

Как ни странно (или, наоборот, естественно?) в политической мысли мы находим соответствующие полюса в самой трактовке политики и политического, в XX веке прямо-таки персонифицированные в фигурах Карла Шмитта и Ханны Арендт. Сопоставлению их взглядов А. Филиппов посвятил специальную статью [Филиппов 2015].

Шмитту принадлежит знаменитая формула: «Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, — это различие друга и врага» [Шмитт 2016: 301]. Особо подчеркивается несводимость этой пары к оппозиции конкурентов или оппонентов в дискуссии: речь идет о «высшей степени интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации» [Там же: 302–303]. Необходимым условием политики оказывается тогда возможность войны. При настойчиво артикулируемой автором связи понятий *политики* и *государства* такая трактовка политического, как минимум, фокусирует внимание на международных отношениях. Во внутренних делах политический (как мы покажем, для нас *неполитический*) характер государства обуславливает его «главенствующее единство». В отсутствие такого единства, по Шмитту,

невозможно и само политическое. «В критических ситуациях... государство как политическое единство совершенно самостоятельно... определяет и внутреннего врага» [Шмитт 2016: 321–322]. А борьба с внутренними врагами — дело полиции, а не политики. Шмитт неслучайно цитирует Н. Вернулия (1646 г.): «Еретика не можно терпеть в государстве даже тогда, когда он мирен...» [Там же: 323].

А. Филиппов [2015: 55–56] точно замечает, что для Шмитта «в политическом сказывается экзистенциальное напряжение, человек в высшем смысле слова является человеком, когда он занимается политикой. Получается, что внутри государства у человека не очень много возможностей вести политическое, то есть высшее в своем роде, существование». При этом «...если для Шмитта никакой политики внутри государства не существует, она есть только во внешней деятельности, то у Арндт все наоборот, лишь через участие в политической жизни человек и становится свободным, освобождается от необходимости поддерживать жизнь, выходит за пределы отношения господства и рабства» [Там же: 52].

Разделяя со Шмиттом представление об историчности государства (это едва ли не единственное, что их объединяет), Арндт размышляет о том, каким должно стать будущее государство. Обостряя мысль для ясности, можно сказать, что для нее идеалом оказывается то, что совершенно нестерпимо для Шмитта: «То, что оставляет этот либерализм от государства и политики, ограничивается обеспечением условий и устранением помех для свободы» [Шмитт 2016: 349]. При этом Арндт отправляется от представления об организации общегития в древнегреческом полисе. «Естественная совместная жизнь в домохозяйстве имела... свой исток в необходимости [по Плутарху, поддерживать нашу жизнь и питать свое тело], и необходимость властно пронизывала все виды деятельности, подпадавшие этой сфере. В противоположность этому пространство полиса было областью свободы, и, поскольку между этими двумя областями существовала вообще какая-то связь, она естественным образом предполагала, что удовлетворение жизненных нужд внутри домашнего хозяйства создает условия для свободы в полисе» [Арндт 2000: 41–42].

Особенность политического пространства состоит в том, что в нем осуществляется самоопределение свободных граждан, обсуждаются

и намечаются пути к общему благу, которое каждый представляет по-своему и в движении к которому, тем не менее, Аристотель [1983: 467] видел назначение политики. Однако на фоне бесконечных дискуссий практически остается неизвестным, можно ли в современном массовом обществе восстановить политические идеалы античного полиса, а если можно, то как.

Вспоминая многообразные «взгляды на современный мир» (начиная со столетней давности одноименного эссе Поля Валери [1936], посвященного среди прочего глобализации в нашем ее понимании), количество различных представлений о биполярности нашего мира нетрудно умножить. Это оппозиции современного и традиционного, открытого и закрытого обществ, полиархии и закрытой гегемонии, демократической и авторитарной систем правления, деспотической и инфраструктурной власти, политического и полицейского государства, либеральной и нелиберальной демократии, порядка открытого и ограниченного доступа и т. д. и т. п. [Поппер 1992; Даль 2010; Манн 2004; Филиппов 2013; Закария 2004; Норт и др. 2011]. Наконец, легко увидеть такую поляризацию на политической карте мира, где она находит выражение в пусть и условном, но очевидном делении государств на западные и восточные (об этом мы еще поговорим в главе 2). Конечно, это всё не одно и то же, однако во всех этих разных представлениях угадывается некий общий знаменатель.

Мы не ограничимся в связи с этим различием двух обобщенных эмпирических типов, так сказать, многомерных демократических или, наоборот, авторитарных обществ², а, вспоминая еще раз М. Вебера [1994; 2016], будем говорить о двух *идеальных типах* организации человеческого общежития. В отличие от эмпирических феноменов, идеальные типы, или, как говорил о них Г. П. Щедровицкий [2005а: 147], «полярные абстракции», не существуют в реальности; это конструкции, служащие средствами нашей работы, «очками», сквозь которые мы смотрим на свой мир. Мы считаем, что **диаметрально противоположные формы организации общежития** (политическое и неполитическое) и **соответствующие человеческие типы** (автономные и гетерономные) **суть те полярные сущности, которые описываются на разные лады и с разных точек зрения** перечисленными и многими другими авторами.

Чаще всего разговоры на этот счет ведутся в терминах демократии и/или ее отсутствия, причем упор делается на электоральные процессы, регулярную смену власти, формы представительного правления (см., например, [Демократизация 2015]). Все это важные вещи, но **мы** говорим о другом и **видим суть демократии в наличии или отсутствии политической организации как конкуренции различных представлений о будущем**. Об этом пишет Б. Г. Капустин, обсуждая распространенный способ правления как «...определенный тип господства, консолидированный и “технологически” отлаженный настолько, что он перестает нуждаться в политике, более того, стремится вытеснить ее как потенциально “подрывной” тип деятельности, чреватый инверсиями позиций власти. **В этих условиях политика как таковая, а не только определенный вид ее, приобретает освободительное значение**» [Капустин Б. 2010: 10; выделено нами. — *Авт.*].

Как известно, русскоязычному читателю труднее понять суть этой радикальной идеи, поскольку в русском языке отсутствует важнейшее различие: *Policy* — как избранного политическим субъектом курса и *Politics* — конкурентной борьбы между субъектами, формирующими разные курсы. По-русски и то, и другое — политика, а здесь утверждается, что политика — это прежде всего *Politics*: конкуренция и борьба разных *Policies*. Отдельно взятая *Policy* неизбежно превращается в «политику власти», в таком случае неизбежно авторитарной, а это качественно другое явление. Чтобы подчеркнуть это принципиальное различие, можно писать «политикавласти» в одно слово.

В России очень распространено также заимствование модели «политикавласти» представителями оппозиции, когда их точка зрения изначально объявляется единственно верной даже в полемике с инакомыслящими оппозиционерами. Такой неособый пример выступления человека, с которым мы во многом другом согласны: «Начну с главного: никаких перспективных идеологий, помимо регионализма, у XXI века просто нет. Всё остальное — либо частная производная от регионализма, либо деструктивный фейк: вред и разрушение под видом созидания и пользы» [Коцюбинский 2020].

Именно политическая организация общежития отвечает аристотелевскому представлению о политике. Как видно в свете сказанного выше в этой главе, такая организация обеспечивает автономию, субъектность, свободу политического самоопределения граждан. С ней

мы связываем проблематику гражданских прав. Она возвращает политике фактически утерянную функцию заботы об общем благе, которая ныне — как на Востоке, так в значительной мере и на Западе — подменена борьбой за власть. Поэтому мы предпочитаем говорить не о демократии, а о *политической организации общежития* в указанном выше понимании. С нашей точки зрения, это много точнее схватывает суть дела.

К старой советской картине двух миров — социализма и капитализма — сказанное имеет лишь опосредованное отношение: в Швеции было и есть не меньше социализма, чем было в Советском Союзе, но Швеция была и остается страной Запада. И здесь нет секрета: из истории наших стран мы увидим (в разделе **Б**), как и почему произошла такая поляризация. **В советские времена в тогдашнем противостоянии двух систем упор делался на идеологию, но суть дела оставалась неизменной: это были все те же две формы организации общежития, политическая и неполитическая.** Только на Востоке своя исконная авторитарная форма организации уже тогда (в СССР с момента принятия «сталинской конституции» 1936 г.) тщательно и небезуспешно маскировалась под демократию.

Однако при всем том, что сказано выше, совместное (правда, далеко не всегда мирное) существование обсуждаемых полярных типов организации на протяжении уже более чем двух веков наводит на мысль о том, что каждый из них имеет свои преимущества. Мы связываем их с полузабытой концепцией мыслителя Викторианской эпохи Г. Спенсера (его предшественником был в этом отношении известный социалист-утопист А. де Сен-Симон), писавшего о промышленной и военизированной формах организации. Это еще две «полярные абстракции» — в придачу к ряду перечисленных выше, но некоторым образом выпадающие из этого ряда.

Военизированная организация, согласно Спенсеру [1999], определяется централизованной властью, которая «управляет всеми видами социальной деятельности до подробностей повседневной жизни человека включительно». При этом «война составляет главное дело жизни», и важнейшую цель подданные видят в обеспечении благосостояния государства. Напротив, для мирного или промышленного типа характерна центральная власть, которая «почти вовсе не вмешивается

в частные действия индивидуумов и... государство не представляет уже нечто такое, для блага чего существуют отдельные лица; напротив, оно само должно служить на пользу этих отдельных лиц». И здесь как нельзя более кстати вспоминается формула государства П. Бурдо.

Спенсер [2007] пишет также об историческом переходе от господствовавшей испокон веку военизированной организации к мирной, произошедшей в Европе, прежде всего в Англии и Америке в «наше время» (т. е. в результате буржуазных революций и первой промышленной революции к середине XIX века). Но специфика спенсеровской пары состоит в том, что вместе с тем эти формы организации нередко сменяют друг друга на сравнительно коротких отрезках времени (измеряемых десятилетиями). Мирная организация уступает место военной именно в периоды ведения войн и, как мы сказали бы теперь, господства чрезвычайного положения, требующего мобилизации всех сил страны, безотлагательного принятия и исполнения решений. Здесь преимущества военной организации бесспорны.

В настоящей работе мы фокусируемся на мирной жизни (к каковой относятся и соображения о патриотизме, с которых мы начали разговор о полярных типах организации), **поскольку с ней связываем перспективы развития.** Попросту говоря, мы не видим возможности управлять все более сложными системами деятельности военно-командными методами. Поэтому речь пойдет больше о тенденциях эволюции нашего мира и наших возможностях их артификации и направления в нужную сторону.

При этом, однако, мы вовсе не склонны забывать о пока еще не изжитых войнах. А поскольку нет гарантий от военных конфликтов, тем более от других возможных ЧП, надобность в военизированной организации далеко не пропала. Возможность временного перехода к ней может сохраняться, а переключатель» между двумя основными формами должен быть встроен в предлагаемую нами политическую организацию общежития. (Что, кстати, отвечает сложившейся в странах европейского культурного ареала конституционной практике.)

Если подводить итоги изложенным соображениям, на данном этапе истории **политическая организация общежития не только представляется нам наилучшей, но мы исходим из необходимости движения**

к ней как из своего рода категорического императива. Такова наша позиция (а не мир «за окном»), которую мы разворачиваем дальше и предлагаем обсуждать. Именно с ней мы связываем перспективу минимизации отношений господства-подчинения, о которой говорили во Вступлении. Собственно, вопросам о том, как конкретнее мыслить такой идеал и, главное, *как к нему двигаться*, и посвящена наша работа. У нас нет готовых ответов, и мы считаем, что в рамках существующих понятий и представлений мало надежды их получить. В этом мы видим основание считать, что **демократизация, или, в нашем понимании, движение к политической организации общежития** (в указанном выше смысле), **представляет проблему.**

Выделенными тезисами мы создаем себе на порядок больше противников, чем союзников, в т. ч., надо полагать, и среди ученых политологов. Но, повторяем, мы не занимаемся ни наукой, ни политикой, нам нужна не массовая поддержка, а заинтересованная и компетентная критика. Собственно, здесь в нашем понимании и проходит граница между (политической) философией и политикой. Обсуждать свои основания мы, так или иначе, будем на протяжении всей своей работы и готовы продолжить это занятие с будущими ее читателями.

Может быть, полезно еще оговориться, что мы не ратуем за снижение многообразия политических режимов и форм организации общежития. Нам ближе республиканские идеалы, но это наше личное дело, а вообще формы правления каждая страна выбирает по своему вкусу. Мы в этом смысле не оригинальны и настаиваем только на уважении прав инакомыслящих и их полноправном участии в принятии затрагивающих их интересы решений. Немного иначе формулирует ту же мысль А. Глухов [Глухов, Атнашев 2021]: «...Поворотным в нашей политической реальности было бы создание чего-то вроде республиканской политической реальности, которую я понимаю как сообщество равных друг другу, уважающих чужое мнение людей, не обязательно соглашающихся друг с другом, но способных прийти к договоренностям». Наши предложения касаются путей и способов движения к этим идеалам.

Сам такой, обозначенный выше, идеал политической организации пока недостаточно проработан, а движение к нему не осмыслено как важнейшее для дальнейшей истории. Даже «соседняя» республиканская установка на минимизацию отношений господства-подчинения

имеет пока весьма ограниченное число активных сторонников. Эти, как говорится, судьбоносные вопросы подменены в общественно-политическом дискурсе бесконечными вопросами второго и третьего порядков: от феминизма до геополитики, от торговых войн до глобального потепления. Среди них есть более или менее значимые, более или менее срочные, но мы предлагаем сосредоточиться на указанной проблеме, поскольку видим в ней залог продвижения (если и насколько оно возможно) к решению всех остальных. Тем более что она имеет свою особую российскую проекцию и вместе с тем позволяет продвинуться в понимании трудностей современной либеральной демократии на Западе.

Что касается нашей позиции, то во избежание недоразумений нужно еще подчеркнуть, что мы не сторонники ни историцизма с его «законами истории», ни «исторической инженерии», на которую претендовали большевики. В отличие от этих чуждых нам представлений, в самом общем виде смысл сказанного в настоящей главе можно свести к следующему. Мы не знаем, кто прав в споре о наличии или отсутствии единой перспективы в организации человеческого общежития (которая привела бы к победе одной из двух основных форм — типа того или иного «конца истории» по Ф. Фукуяме). Но это не мешает выдвигать свой субъективный идеал политической организации в указанном понимании для критики и обсуждения в качестве «общечеловеческого» (слово, правда, с подмоченной репутацией³). Мы были бы рады обсудить и другие идеалы со своими идеологическими противниками. При этом мы сознательно не говорим о конкретных организационных формах своего идеала, вслед за Й. Шапиро [2012] уповая в этом отношении на изобретательность *Homo sapiens*.

Вернемся теперь к тому, с чего начинали данную главу. Применительно к патриотизму особенно важно различать (1) само по себе явление, обозначаемое этим словом, включающее чувства, представления и заботы граждан, с одной стороны, и (2) способ употребления этой сложной организованности в общественно-политической жизни — с другой.

Пока что на смысловом уровне (разговор о понятиях нам придется отложить) скажем, что власть имущие вольны употреблять *верноподданных индивидов* вместе с их патриотизмом по своему усмотрению — как

средство достижения своих целей. Обсуждать эти цели с верноподданными нет никакой нужды. Напротив, с *патриотами-гражданами*, как с автономными субъектами, личностями, нужно разговаривать как с равными, что в корне меняет не только отношения власти с «населением», но и саму «природу» того и другого^а. Всех собеседников-сограждан при этом априори нужно считать патриотами, по крайней мере пока не будет доказано обратное (такая, если угодно, «презумпция патриотизма»). Если исходить из аристотелевского понимания политики, придется также признать, что любая политика в рамках права порождается патриотизмом — заботой о благе своей страны (города, сферы деятельности). Поэтому, с точки зрения гражданского патриотизма, в мирное время политикам бессмысленно апеллировать к патриотизму сограждан: как власть имущие, так и оппозиция имеют на это равные права.

В итоге получается, что однозначно ответить на вопрос о нашем (или любых других граждан) патриотизме принципиально невозможно. Ответ будет зависеть от того, сторонником какой из двух форм организации общежития себя мыслит вопрошающий, а в конечном счете, как мы покажем, от его картины мира. Для сторонников политической организации мы окажемся патриотами России, для противников — едва ли не «иностранными агентами».

К этому важно добавить, что, полагая проблему движения к политической организации общежития глобальной, мы подписываемся под тезисом Ю. Н. Харари [2019]: «Если мы хотим выжить и развиваться, у нас нет другого выбора, кроме того, как дополнить патриотизм серьезными обязательствами в отношении глобального сообщества». Поэтому **не только российские проблемы, но и проблемы современного мира для нас не абстрактно научные, а наши личные проблемы. Пусть наш вклад в их постановку и решение ничтожно мал, но мы считаем своим гражданским долгом этот вклад сделать**^б.

^а Паспорта, разумеется, есть у тех и у других, но мы говорим о гражданстве совсем в другом, понятном из контекста значении этого слова, которое уточним в свое время.

^б Как сказал А. П. Чехов: «В работе надо быть смелым. Есть большие собаки и есть маленькие собаки, но маленькие не должны смущаться существованием больших: все обязаны лаять — и лаять тем голосом, какой Господь Бог дал».

ГЛАВА 2. ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Если мы обсуждаем перспективы возможных общественно-политических перемен и хотим предложить в повестку дня текущих дискуссий новые, в т. ч. поставленные выше вопросы, следует хотя бы эскизно представить себе их контекст. Вопрос о биполярности нашего мира лишь намечает возможные представления о нем и о мыслимых переменнах. Дальнейшее движение мысли требует их хотя бы минимального развертывания. Разумеется, это может быть всего лишь эскиз нашей, субъективной картины мира, набросанный с намеченных выше позиций, которые и сами подлежат уточнению.

Имея это в виду, посмотрим мысленно на жизнь человечества из космической дали: не на «голубую планету», а на жизнь и дела людей. Оттуда **можно различить две принципиально разные области, два мегатипа деятельности** (мега-, потому что каждый из них делится дальше на свои типы). **Одно дело — работа с косным материалом** вроде приготовления обеда, добычи полезных ископаемых, промышленного или сельскохозяйственного производства. Это то, что К. Менгер [2005: 474] называл хозяйством: «Под хозяйством мы понимаем предусмотрительную деятельность, направленную на покрытие нашей потребности в *вещах*». При этом «исходным пунктом всякого хозяйства являются *вещи*, непосредственно находящиеся в распоряжении хозяйствующих субъектов» и т. д. (курсив наш. — *Авт.*). **Со всем другим — «деятельность над деятельностью»** [Щедровицкий Г. 2000: 38, 42, 47 и др.], например политика, управление, нормирование.

Их «исходным пунктом», материалом служат не вещи, а другие системы деятельности. Но если объекты у них принципиально разные, то разными должны были бы быть и методы работы с ними. (Как обстоит дело фактически — с этим нам и предстоит среди прочего разобраться.)

Идея такого различия прослеживается с античных времен [Аристотель 1997]. Видимо, это имел в виду Макс Вебер [2007: 14], когда писал на первых же страницах своей «Истории хозяйства»: человеческие профессии могут быть исполнительными или распорядительными. При этом, с нашей точки зрения, распорядительные деятельности имеют своим предметом ни в коем случае не людей — исполнителей, а именно исполнительную деятельность, как бы надстраиваются над нею. Обсуждаемое различие становится более понятным, если сопоставить его с античной традицией противопоставления архаичного *ойкоса*, мира хозяйственной деятельности, и *полиса* — нового (для древних греков) политического мира. В первом должен быть хозяин и господствует принуждение, во втором общие дела улаживаются посредством слов, убеждения. Можем повторить точную формулировку Х. Арндт [2000: 42]: «удовлетворение жизненных нужд внутри домашнего хозяйства создает условия для свободы в полисе»⁴.

О таком фундаментальном различии напоминают и нынешние разговоры о политике и экономике, но здесь мы видим скорее языковую общность с традицией, нежели содержательную. Экономика не синоним хозяйства, и политика не охватывает разнообразные области деятельности над деятельностью.

В этих доминирующих ныне представлениях полезно разобраться. Мы солидарны с П. Щедровицким [2020], который считает, что «нельзя употреблять понятие “экономики” как синоним “хозяйства”. То, что обычно понимается под “экономикой”, нужно трактовать как “форму организации хозяйственной деятельности”. Соответственно: хозяйственная деятельность может быть организована как “экономически”, так и “не экономически”; исторически существовали и ныне продолжают сосуществовать разные формы организации хозяйственной деятельности». Что же касается политики, то в противопоставлении экономике она понимается *предметно*, т. е. как особая сфера деятельности в ряду других (экономики, культуры, науки, образования). При этом упускается из виду другое ее понимание, которое стоит за словами об

античном полисе или современной экономической, культурной, научной и т. д. политиках. Политика в этом втором понимании (с которым мы работаем) всепроникающа и внепредметна.

Но этого мало. Бывшим советским людям, их детям и ученикам (а это подавляющее большинство наших потенциальных читателей) различие ойкоса и полиса не может не напомнить знаменитые марксистские базис и надстройку. Дело здесь отнюдь не в смене названий. Нам совершенно неинтересен бывший «основной вопрос философии» о том, что вообще «на самом деле», по «природе вещей» первично: материя или сознание, и, соответственно, что «на самом деле» важнее, базис или надстройка. Для нас это не вопрос об устройстве мира, а вопрос нашей (человеческой) самоорганизации и большой политики (*Policy*). Будем ли мы жить, признавая, что бытие определяет наше сознание, как жили по большей части до сих пор, либо наберемся смелости пользоваться собственным умом для организации своего бытия?! Собственно, об этом и наша книга.

У двух выделенных мегатипов и мегасфер деятельности разная историческая судьба, определяющая их сегодняшний статус. Так или иначе, деятельность с косным материалом обеспечивается всей мощью современного естествознания и техники, в то время как деятельность над деятельностью, да и то лишь в обличе власти и политики, до недавнего времени оставалась предметом философии. Подлинные масштабы и значение деятельности над деятельностью начали осознаваться и более или менее систематически осмысливаться только в XX веке с появлением — наряду с властью и политикой — таких предметов мысли, как организация, управление и бюрократия. Соответственно, ее интеллектуальное обеспечение лишь начинает разрабатываться^а.

Лучше поздно, чем никогда, потому что наши хозяйственные достижения в сфере работы с косным материалом рискуют оказаться и часто оказываются неэффективными: многое зависит — и чем дальше,

^а Конечно, взаимодействие различных систем деятельности друг с другом всегда интересовало людей, однако этот интерес фокусировался преимущественно на конфликтах, в основном военных. Сам по себе такой поворот мысли (от мира к войне) крайне важен, и мы к нему вернемся, но продолжение этой темы «за поворотом» выходит за рамки нашей работы.

тем больше — от деятельности над деятельностью, ответственной за организацию и со-организацию различных систем деятельности между собой. (Как, впрочем, и за их дезорганизацию, о которой чуть дальше.) Но даже сама формула «деятельность над деятельностью» родилась лишь в последней четверти прошлого века [Щедровицкий Г. 2000], а коренные различия между двумя мегатипами осознаны и осмыслены далеко не в полном объеме, если таковой вообще можно себе представить.

Понятно, что наши интересы фокусируются на деятельности над деятельностью, имеющей, как мы уже упоминали, две как бы противоположные функции: изменение сложившегося положения дел и поддержание *status quo*. Эти функции мы считаем одинаково важными, притом что наряду с противоположной направленностью они имеют еще и множество качественных различий в части путей реализации. Для начала заметим, что относительная стабильность обеспечивается воспроизводством сложившихся и привычных для людей форм организации общежития, на фоне которых перемены принимаются обычно в штывы [Дак 2007]. Если говорить о переменах, типичным примером здесь может служить эпопея преобразования («совершенствования», как любят у нас говорить) системы государственного управления в современной России. Здесь есть о чем задуматься: разговоры об этом идут, как минимум (если не углубляться в историю), с 1990-х гг., попытки изменить ее предпринимались неоднократно, дело дошло уже до изменений в конституции, а воз и ныне там.

Это, кстати, о дезорганизации. Мы не поклонники конспирологических теорий: злые умыслы не так уж часты, и ситуация как нельзя лучше характеризуется уже вспоминавшимся нами памятным с 1990-х гг. *mot В*. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Оно адресовано вроде бы прямо действующим в этой ситуации лицам, причем, на наш взгляд, актуально не только в России, но и далеко за ее границами, и касается любых общественно-политических перемен^а. (Это такая своего рода «проблема» в расхожем

^а В этом плане мы реконструируем вопрос, на который как бы отвечает своим суждением ЧВС, коротко: почему в нашем мире все идет вкривь и вкось? Вообще-то мы с самого начала своей работы отвечали на этот вопрос [Рац, Котельников

понимании или «закон Черномырдина» из ряда законов Паркинсона.) Конечно, известны случаи более или менее успешной реализации преобразовательных замыслов, но что здесь считать правилом, а что исключением? Как соотносятся при этом цели и средства преобразований? Каковы процессы и механизмы проработки и реализации преобразовательных замыслов такого исторического масштаба, как изменение системы управления в огромной стране? Какого рода вклады мы можем (если можем) внести в историю и как это следует делать? И, главное, не меняются ли ответы на эти вопросы (и наши возможности) по ходу истории? Тогда как следует на них отвечать сейчас?

В направлении, обозначенном этими вопросами, мы и собираемся двигаться, и сразу можно заметить, что такое направление усилий уходит в сторону от мейнстрима философско-политической мысли, занятой в первую очередь вопросами о направленности и целях намечаемых преобразований. Мы же, наученные советским (да и нынешним российским) опытом, вслед за цитированной уже Х. Арендт [2014а: 8] считаем, что не только цель не оправдывает средства, но средства могут до неузнаваемости деформировать цели. Исторический опыт России подтверждает наш тезис о том, что крайне опасно отвечать на вопрос «Что делать?» в отрыве от вопроса «Как?», и мы, имея в виду оба, сосредоточимся на втором. А для ответа на все эти вопросы, включая поставленные чуть выше, прежде всего, по-видимому, нужны совершенно особые историческая реконструкция и анализ нашего прошлого, направленные именно на означенные вопросы.

Прежде всего, потому что выраженная в формуле Черномырдина коллизия стара как мир, и мы знаем два пути, по которым направляются попытки ее преодоления. Они неслучайно совпадают с теми полярными формами организации общества, о которых мы говорили в главе I.

2014: 166], но ответ был философский и очень сжатый. Теперь попробуем его развернуть ближе к практике.

Старый путь, по которому шли и продолжают идти большинство стран Азии и Африки (условного Востока), связан с проведением преобразований и наведением должного порядка «сильной рукой», в российской терминологии — посредством *властной вертикали*. Применительно к нашей стране, согласно Ю. Пивоварову и А. Фурсову [1997], вокруг такой вертикали формируется особая «Русская система» правления или даже общежития в целом. Как говорит Г. Павловский [2019], «базовая вещь тут *социум власти*, основанный на нераздельности государства и общества» (курсив наш. — *Авт.*). Так или иначе, об этом пишут многие авторы, идут дискуссии, но это, конечно, не только наша история: кто-то применяет для обозначения такого феномена название «Пекинский консенсус» [Попов В. 2007], а С. Кирдина [2014] и вообще считает, что такой способ существования является предзаданным и единственно возможным для доброй половины государств современного мира. Для нас подобная внеисторическая точка зрения неприемлема, нам ближе позиция Л. Б. Алаева [2019], который говорит о «загадке дихотомии двух основных частей человечества»⁵. Ничего не предзадано навсегда: с этим разбираться надо.

Альтернативный способ действий, возобладавший в Новое и Новейшее время в странах европейского культурного ареала (условного Запада), связан с идеями, говоря современным языком, *минимизации властных отношений* и формирования общежития ответственных автономных субъектов. Практически эти идеи реализовались в концепции разделения властей и постепенной демократизации общества, говоря по-нашему — в становлении политической организации общежития. При этом разделение властей мы трактуем здесь обобщенно, в духе американских отцов-основателей, имея в виду не только разделение по функциям (законодательная, исполнительная и судебная ветви), но также в пространстве (различные формы федерализма, автономные муниципии) и во времени (регулярная смена людей при власти).

Однако, будучи сторонниками западного пути, мы отнюдь не считаем его завершенным. И верны классическим республиканским идеалам не-господства, практически призванным обеспечить минимизацию отношений господства-подчинения между людьми и их группами. Причем сказанное, подчеркнем еще раз, — всего лишь политическое

выражение в общепонятных терминах более фундаментальной идеи политической организации человеческого общежития (глава 1). Соответственно, мы не видим оснований считать, что решения по части форм правления и организации общежития, сложившиеся в эпоху Просвещения и заложенные в основания западной либеральной демократии, годятся на все времена. Неслучайно демократия была и остается предметом непрекращающихся дискуссий.

«Конца истории» не предвидится: таковым, с нашей точки зрения, мог бы быть только конец рода человеческого. А пока такого конца не видно, вполне возможно, что господствующие ныне решения отслужили свое время, не отвечают проблемам XXI века и требуют ревизии. Более того, у нас есть основания предполагать, что устареть могли не только конкретные институциональные формы, но и сама концепция либеральной демократии. Вовсе не факт, что политическая организация общежития может иметь только такое идеологическое и организационное выражение. Чтобы проверить эти гипотезы, опять же естественно обратиться к истории.

Если при этом учитывать различие деятельности с космым материалом и деятельности над деятельностью, мы увидим два крупнейших мегаэтапа истории человеческого рода. С высоты сегодняшнего дня видно, что *на первом этапе*, в течение тысячелетий, человеческая деятельность эволюционировала и наши системы деятельности складывались в борьбе за выживание вокруг хозяйственных забот квазиестественным образом, «по-военному». Мы же были поглощены завоеванием власти над природой, борьбой за власть друг с другом и т. п., очень мало зная при этом о мире собственной деятельности и почти не задумываясь о ней.

Даже и теперь мы не рискнули бы утверждать, что располагаем необходимыми инструментами для последовательного, систематического внесения в организацию нашей общественной жизни и деятельности должного искусственного, интеллектуального начала. С этим связан и законный пессимизм ряда мыслителей, например Фридриха фон Хайека или Майкла Оукшотта, по части возможностей разумного влияния на жизнь общества. Лишь постепенно мы понимаем, что человеческое общество плохо реагирует на методы, сложившиеся

в работе с косным материалом: стандартный проектный подход и инженериию в их социальных приложениях. Общественные преобразования требуют совсем иных методов и средств, с большим трудом нарабатываемых в деятельности над деятельностью и с переменным успехом осмысляемых в политико-управленческих науках.

Тем не менее с помощью науки (на сей раз той, которая по-английски называется *science*) и техники первое дело — поддержание нашего существования в природе, «завоевание природы» — худо-бедно сделано (преимущественно на Западе) и продолжает делаться.

На первом из выделяемых этапов определяющий характер имеет деятельность с косным материалом, представляющаяся до поры до времени едва ли не единственно мыслимой. На втором же приобретает доминирующее значение деятельность над деятельностью; другой вопрос, насколько мы это осознаем и как осмысливаем^а. На материале истории минувшего столетия особенно наглядно видно, что **проблемы организации человеческого общежития на нынешнем, лишь сравнительно недавно начавшемся (или только начинающемся?) втором этапе становления цивилизации сделались определяющими для жизни человечества.** Таким образом, нам довелось жить как бы на переходе от первого ко второму этапу. Но лишь к концу XX — началу XXI века у нас начинает формироваться арсенал минимально необходимых средств интеллектуального обеспечения деятельности.

Разумеется, все это может представляться таким образом «из космоса»: изнутри же, в *настоящее* время мы видим лишь сложнейшую констелляцию разнонаправленных и противоречивых процессов. Представим себе теперь, что «камера наехала» на предмет обсуждения и мы видим — уже не из космоса, а с высоты полета птицы — картину Новой истории в целом. Ранее мы специально рассматривали те особенности нововременной истории стран европейского культурного

^а Чтобы связать наши еретические соображения с распространенными, заметим, что мы выделяем свои этапы по другим основаниям, нежели, скажем, Э. Тоффлер [1999] свои знаменитые волны. В результате наш первый этап объединяет две первые волны Тоффлера.